Александр Сергеевич Луньков

кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой философии,
старший научный сотрудник
сектора истории и философии науки
Центра подготовки кадров высшей квалификации
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: istorik1981@mail.ru
ORCID ID: 000-0001-9252-0107

КОРРУПЦИЯ И ВОЙНА: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ (на примере операций в Афганистане и Сомали)

В статье исследуется роль феномена коррупции в современных представлениях о войне. История войн изобилует примерами подкупа военачальников и целых армий. Коррупция всякий раз сопровождала или была причиной кризиса армии и государства в целом. Однако все эти поучительные факты прошлого являлись второстепенными в логике развития военной мысли. Современное же понимание противника в качестве сложной системы открывает дорогу новым стратегическим концепциям, которые в числе прочего предполагают коррупцию как инструмент дестабилизации. Новейшая история военных конфликтов содержит два показательных примера применения стратегии подкупа – война в Афганистане в 2001 г. и очередной этап гражданской войны в Сомали в 2006 г. И Афганистан, и Сомали с точки зрения западной рациональности погрязли в коррупции, которая стала неотъемлемой частью социальной и политической жизни этих стран. Однако реализация стратегии подкупа в Афганистане привела к свержению режима талибов и началу нового государственного строительства, тогда как в Сомали эта стратегия оказалась ошибочной и еще больше усугубила ситуацию. На первый взгляд, исходный социокультурный контекст Сомали был более благоприятным для применения стратегии подкупа. Сомалийское общество практически полностью моноэтническое и моноконфессиональное. По оценкам ряда международных организаций, Сомали является самым коррумпированным государством мира. Все это должно было облегчить переход местных сил с одной стороны конфликта на другую. Однако западными стратегами был недостаточно учтен клановый фактор. Именно он выступает главным двигателем

перманентной гражданской войны в Сомали. Клановые противоречия, связанные с системой кровного родства, имеют настолько давнюю историю и так глубоко укоренены в сомалийской культуре, что перед ними оказались бессильны все традиционные для стран Запада методы работы с конфликтами на постколониальном пространстве. Кровное родство и основанная на нем клановая система представляют собой наиболее глубокий уровень социальной структуры и динамики, при котором «смена стороны» практически невозможна. Все это закономерно привело к провалу стратегии подкупа и планов искусственного создания сильного и лояльного Западу правительства в Сомали.

Ключевые слова: коррупция, война, Афганистан, Сомали, военная стратегия, Дж. Уорден, терроризм, гражданская война.

Феномен коррупции на войне имеет такую же древнюю историю, как и сама война. Уже в эпоху Древнего мира одной из постоянных забот правителя было предотвращение подкупа своих военачальников. При этом характер государственно-го устройства особо не влиял на «подкупаемость» или «неподкупаемость» командиров. Вражеские деньги охотно брали как в деспотических государствах Востока, так и в демократических греческих полисах и Риме. Кстати сказать, именно в Риме в период поздней Республики эта проблема приобрела настолько системный характер, что государство оказалось не в состоянии полноценно вести войну. Дальнейшая история общества не принесла радикальных изменений. Даже во время мировых войн, когда на карте стояло само существование государств, находилось место коррупции. Параллельно с этим шла непрекращающаяся борьба с частыми злоупотреблениями властью, которая приняла особенно большие масштабы во время Первой мировой войны. Следует отметить, что в ряде случаев именно реальный боевой опыт оказывался действенным «противоядием» против подкупа, растрат и присвоения имущества. Вплоть до того, что на ключевые места в тыл и рядом с фронтом приходилось назначать офицеров с боевым опытом, хотя постоянно чувствовался их недостаток на фронте (Луньков 2016).

Новейшая история войн и военных конфликтов дает еще больше материала о месте и роли коррупции в современной войне. Здесь явно прослеживается национально-культурный фактор в плане успешности применения «коррупционного оружия». Для ряда стран вообще довольно затруднительно применять понятие

«коррупции» для обозначения практики подкупа командиров. В качестве примера рассмотрим войну в Афганистане после событий 11 сентября 2001 г. Согласно фактам, приведенным в нашумевшей книге Боба Вудворда «Буш на войне», главные чины военного кабинета США четко отдавали себе отчет в том, что Афганистан был миром, «в котором нет постоянной, даже полупостоянной лояльности» (Woodward 2002: 218). Полевые командиры следовали за деньгами и победой. Поэтому данные факторы необходимо было увязывать, чтобы они взаимно дополняли друг друга (Woodward 2002: 218). Вторжение в эту страну началось с прибытия туда группы офицеров ЦРУ во главе с опытным оперативником Gary, который привез большой металлический чемодан с тремя миллионами долларов; деньгами он мог распоряжаться по своему усмотрению (Woodward 2002: 120). Подобная практика была отнюдь не новой и применялась еще в период «холодной войны». Агенты ЦРУ и других спецслужб с обеих сторон «железного занавеса» постоянно подкупали или содержали на «зарплате» те или иные ключевые фигуры на интересующем их театре «холодных» военных действий. Однако в 2001 г. финансовая сторона операции против «Талибана» и «Аль-Каиды», запрещенных в России террористических организаций, приобрела системный характер.

Еще в 1995 г. в США была разработана и впоследствии опробована – в 1999 г. в Югославии в рамках операции «Союзная сила» – концепция «операций на основе эффектов» (*effects-based operations*). Ее автор – Джон Уорден (род. 1943), полковник ВВС США. В статье «Враг как система» Уорден выдвигает новый взгляд на планирование и ведение современных боевых действий. По его мнению, «как стратеги и творцы операций мы должны избавиться от идеи о том, что главной особенностью войны является столкновение вооруженных сил» (Warden 1995: 42). Основной целью военной операции становится изменение «системы» противника: «На стратегическом уровне мы достигаем наших целей путем внесения таких изменений в одну или несколько частей физической системы противника, что враг решает принять наши цели, или мы сделаем физически невозможным для него противостоять нам. Последнее мы называем *стратегическим параличом*» (Warden 1995: 43).

Для описания врага как системы Уорден разрабатывает модель пяти концентрических колец, которая олицетворяет разные уровни реального существования противника в физическом мире. Указанная модель имеет четыре основных компонента: центральное руководство, органическую составляющую (основа экономики, например промышленное производство или главные сельскохозяйственные угодья), инфраструктуру и население. Кроме того, наличествует и пятый компонент, который защищает систему от внешней угрозы или деградации (армия, полиция и т.п.) (Warden 1995: 46). При этом общая сложность системы играет большую роль. Чем сложнее система, тем более затруднено ее обслуживание и тем вероятнее, что вливания энергии в определенных местах ускорят естественное движение системы к беспорядочному состоянию или даже к хаосу (Warden 1995: 46). В данной концепции важным элементом является понятие «центра тяжести»: Уорден подчеркивает, что «каждое государство и каждая военная организация будут иметь уникальный набор центров тяжести или уязвимости» (Warden 1995: 49). Главная проблема заключается в том, чтобы получить и проанализировать информацию об этих ключевых точках системы противника.

При подготовке операции против Югославии была проделана огромная работа по сбору и анализу разведывательных данных, что позволило составить список целей и эффективно воздействовать на «центры тяжести» югославской военной и гражданской системы. Все это привело к деморализации и коллапсу югославской армии, прекращению огня и стремительному развалу югославского государства. В Афганистане ситуации была в корне иной. В данной стране практически отсутствовали привычные для западного мышления стратегические цели, уничтожение которых вызвало бы полный паралич полупартизанских военных формирований. Невозможно посеять хаос там, где он давно стал нормой социальной жизни. Афганские полевые командиры «процветали в культуре выживания» (Woodward 2002: 31) и привыкли к ведению войны при значительном материально-техническом превосходстве противника. Кроме того, сбор информации о реальных «центрах тяжести» государства талибов был затруднен – Афганистан по условиям местности и культуре местного населения, по своей

«инаковости» для западной рациональности сопоставим с другой планетой. Между тем над США довлел фактор времени: мировому сообществу и прежде всего своему народу нужно было продемонстрировать адекватный ответ на теракты 11 сентября. Все эти обстоятельства диктовали жесткие граничные условия для планирования успешной операции.

Уже в самом начале обсуждения возможных вариантов действий в военном кабинете Дж. Буша младшего была высказана идея глобальной «военно-финансовой» операции. Глава ЦРУ Джордж Тенет предложил потратить сотни миллионов долларов на «покупку» спецслужб и разведывательной инфраструктуры таких стран, как Египет, Иордания, Алжир и др. Все это должно было усилить разведывательный потенциал США в ближневосточном регионе и ускорить подготовку операции против Афганистана. Однако он честно предупредил, что «это не те люди, с которыми вы предпочли бы сидеть рядом в церкви в воскресенье» (Woodward 2002: 66-67). С согласия президента работа в данном направлении началась.

Вторым вектором наступления на «финансовом фронте» стало замораживание активов организаций и лиц, уличенных или подозреваемых в финансировании террористов. Как образно выразился Дж. Буш 24 сентября 2001 г., «в 12:01 этим утром основной удар нашей войны с терроризмом начался с удара пером» (Comments... 2001). Подобные действия должны были осуществляться не только в рамках юрисдикции США, но и на территории других стран, с которыми планировалось достичь договоренности по конкретным фигурантам.

Третьим направлением должен был стать тотальный подкуп (под видом «гуманитарной помощи») ключевых структур и полевых командиров Северного альянса (Woodward 2002: 168), который долгое время воевал против талибов и в тот период испытывал серьезные трудности с материальным и финансовым обеспечением, а также подкуп самих талибов. При правильной постановке дела можно было «купить гораздо больше талибов, чем мы должны убить» (Woodward 2002: 218). По словам директора ЦРУ, «афганцы отреагировали на оружие и чувство, что они на стороне победителя» (Woodward 2002: 201). Это крайне важный момент для понимания стратегии США в Афганистане. Они в явном виде применяли механизм аксиологического

кодирования как часть «стратегии подкупа». Рассмотрим этот момент подробнее.

С точки зрения отечественных исследователей (Оболкина 2014), в коррупционном поведении важную роль играет механизм аксиологического кодирования, то есть формирования определенных мировоззренческих установок и поведенческих реакций. В глобальном масштабе США и Северный альянс воспроизводили патрон-клиентные отношения, что закреплялось в практике личного общения «покупателей» и «покупаемых». Здесь показателен пример общения агента ЦРУ Gary с главой разведки Северного альянса. Когда американец выложил на стол перед собеседником пятьсот тысяч долларов, его собеседник ответил: «Северный альянс приветствует вас» (Woodward 2002: 124). При этом использовался соответствующих дискурс, маскирующий для аксиологического сознания факт коррупции. Намного легче принять деньги, когда речь идет о «гуманитарной помощи» сражающемуся за правое дело народу. «Эвфемизмы в отношении взятки – один из способов манипуляции сознанием реципиента информации, поскольку “выключается” эмоциональное содержание понятия» (Оболкина 2014: 139).

Если аксиологическое кодирование оказывалось неэффективным, в ход шли более серьезные аргументы. Обычная «цена» полевого командира с крупным отрядом составляла пятьдесят тысяч долларов. Но один из командиров попросил время подумать. Тогда по наводке американского спецназа рядом с его резиденцией была сброшена высокоточная бомба, после чего несговорчивому афганцу предложили уже сорок тысяч. Он согласился (Woodward 2002: 256). Смысл данной акции не в экономии десяти тысяч долларов, так как высокоточный боеприпас и полет его носителя стоят несоизмеримо больше. Это был сигнал, который включал другой механизм – подсознательную оценку степени собственной защищенности перед лицом опасности. Наличие или отсутствие чувства страха, вытекающего из осознания невозможности противостоять устрашающему событию, играет важную роль в формировании поведения, не приемлющего коррупцию. «Человек не просто боится или не боится чего-то, он *оценивает собственную оснащенность в условиях опасности*» (Оболкина 2016: 74), когда речь идет о тех или иных способах расправы над коррупционерами. В случае же устрашения

американцами полевого командира тот же механизм был запущен в противоположном направлении. Ему и другим упрямам показали, что произойдет, если деньги *не взять*.

Результатом применения стратегии подкупа стала успешная совместная военная кампания Северного альянса и международных сил по разгрому талибов и их государственных институтов. При этом талибы оказались, что во многом ожидаемо, малочувствительны к воздушным ударам; об этом говорят данные ряда радиоперехватов (Woodward 2002: 206-207). Без предварительного «финансового наступления» и последующего привлечения для наземной операции лояльных к США или купленных местных сил потери международной коалиции были несоизмеримо больше.

Таким образом, благодаря широкой практике применения подкупа полевых командиров и разведывательных служб ряда государств США получили необходимую информацию о «центрах тяжести» противника в Афганистане, нанесли воздушные удары и провели успешную наземную операцию с использованием преимущественно местных групп и сил специального назначения. Враг как система был дезориентирован и повержен.

Другой показательный пример применения США стратегии, частью которой является системный подкуп, – история гражданской войны в Сомали, а именно создание так называемого Альянса за восстановление мира и борьбы с терроризмом (*Alliance for the Restoration of Peace and Counter Terrorism*). После провала миротворческой деятельности ООН в начале 1990-х гг. Сомали надолго погрузилось в анархию и перманентную гражданскую войну. Однако после того как в стране в начале 2000-х гг. стали набирать силу исламистские организации и, по мнению США, возникла опасность, что лидеры разгромленных в Афганистане «Талибана» и «Аль-Каиды» получат убежище в Сомали, активизировалась неофициальная деятельность ЦРУ.

В Сомали была реализована, уже можно сказать стандартная, логика стратегии подкупа – среди всей пестроты местных сил были выбраны те полевые командиры, которые в данный момент воевали против исламистов. В принципе, было не важно, поддерживают они или нет Переходное федеральное правительство Сомали, которое являлось в тот период, по сути, единственным органом власти, признанным международным

сообществом. Ситуативность выбора доходила до того, что в альянс вошли даже те полевые командиры, которые в 1993 г. сражались с американцами и миротворцами других стран в ходе так называемой «Первой битвы за Могадишо» (Wax, DeYoung 2006). Тогда погибло 18 американских солдат, что послужило поводом к скорому выводу из страны контингента США и провалу всей миротворческой деятельности. Создание альянса, который в основном выступил в поддержку Переходного федерального правительства, привело весной-летом 2006 г. к ожесточенным боям, которые были названы «Вторая битва за Могадишо». В результате проправительственные силы были разгромлены, потеряли тяжелое вооружение и либо отступили, либо перешли на сторону исламистов. Последние же получили контроль над столицей и начали создавать свою государственность. Стоит подробнее рассмотреть причины неудачи стратегии подкупа, так хорошо себя зарекомендовавшей в других местах.

Если сравнивать уровень коррумпированности афганского и сомалийского обществ с точки зрения западной рациональности, то результаты будут практически одинаковыми. Так, например, по данным организации «*Transparency International*», Сомали является мировым лидером по уровню коррупции практически с момента первого включения в список стран, для которых подсчитывался Индекс восприятия коррупции, в 2007 г. Афганистан занимает чуть более высокую позицию в этом списке, но все равно прочно входит в топ-10 самых коррумпированных стран мира (Индекс...). То есть условия реализации стратегии подкупа в обеих странах должны быть примерно одинаковыми, но результат оказался совершенно разным. Мы далеки от мысли, что в Сомали «купили не тех парней». В альянс вошли все наиболее значимые на тот момент полевые командиры, которых можно было привлечь к войне против исламистов. Причина провала лежит несколько глубже.

В Сомали отсутствует привычное нам единое социокультурное пространство. Взаимоотношения внутри общества определяются клановой принадлежностью. И это размежевание гораздо более глубокое, нежели национальное или этническое. Несмотря на то что «Сомали в отличие от большинства африканских стран – страна почти полностью моноэтническая и полностью моноконфессиональная» (Коновалов 2010: 5), именно клановая

структура общества выступает основным фактором, позволяющим гражданской войне длиться до бесконечности. С 1990-х гг. конфликт усложнился после включения в него новых действующих сил, связанных с радикальными движениями в исламе. Все попытки примирить стороны конфликта и создать прочный мир в регионе провалились. Ни ООН, ни США, ни многим другим международным организациям не удалось добиться каких-либо результатов. После каждого внешнего вмешательства хаос только нарастал.

«Согласно основной классификации, сомалийцы объединяются в пять семей кланов или племен – дарод, дир, исаак, хавийя и раханвейн» (Коновалов 2010: 7). Однако есть еще несколько классификаций, принятых в разных регионах Сомали (Коновалов 2010: 174-176). Между семьями кланов, отдельными кланами, линиджами (родами) и большими семьями традиционно идет постоянная борьба за владение различными ресурсами. Отсюда понятно почему «сила – наиболее почитаемое сомалийцами качество как в моральном, так и в социальном и политическом аспектах. Богатство и военная мощь всегда определяли в Сомали общественный статус, поэтому стычки и войны традиционно были одним из основных инструментов регулирования межклановых взаимоотношений» (Коновалов 2010: 9). Кроме того, ситуация усложняется еще за счет традиции кровной мести или компенсации, различных устных договоренностей между теми или иными группировками и т.д. В этой перманентной «войне всех против всех» привычные западному мышлению государственные институты воспринимаются как насилие над традиционными патриархальными ценностями либо вообще как стремление одной из клановых группировок получить контроль над остальными. «В Сомали хорошо известна поговорка, точно объясняющая психологическую подоплеку непрекращающейся гражданской войны: “Я и Сомали против всего мира, я и мой клан против Сомали, я и моя семья против клана, я и мой брат против семьи, я против моего брата”» (Коновалов 2010: 12).

Имея в виду вышесказанное, необходимо проанализировать факторы провала стратегии США на основе подкупа различных группировок. По данным ряда журналистов, в начале 2006 г. ЦРУ начало активно «сколачивать» боеспособный альянс против набравшего силу «Союза исламских судов». США дей-

ствовали в уже апробированной в Афганистане логике – конкретному полевому командиру выплачивалась сумма денег за участие его отряда в «Альянсе за восстановление мира и борьбы с терроризмом». Общие затраты составляли сотни тысяч долларов в месяц (Shabazz 2006), причем на полученные деньги в обход режима санкций ООН закупались тяжелое вооружение и боеприпасы. Естественно, это сразу вызвало беспокойство как международных организаций, так и Переходного федерального правительства Сомали (хотя некоторые из участников альянса были министрами в этом правительстве). Первая проблема возникла, когда купленные США группировки отказались подчиняться единому командованию, что в контексте кланового конфликта совсем не удивительно – подчинение одному лидеру автоматически приведет к подчинению одних кланов другим согласно традиционным законам Сомали. Полевые командиры охотно взяли американские деньги, так как это позволяло им усилить свою огневую мощь. Но подчиняться кому-то никак не вяжется с традицией. «Клановое сознание сомалийцев в целом осталось определяющим. Об этом свидетельствует тот факт, что состав всех сомалийских политических и военных группировок формируется только на клановой основе. Поэтому любые попытки создать реально действующие государственные структуры заходят в “клановый тупик”» (Коновалов 2010: 13).

По сути, в Сомали США не удалось организовать патрон-клиентные отношения с полевыми командирами. Позиция силы могла бы быть понятна местному населению только при условии убедительной демонстрации этой силы, на что США в данном регионе не могло пойти так же легко, как в Афганистане. Взяв американские деньги, полевые командиры не считали себя *обязанными* что-либо делать, выполнять условия договоренности. Тем самым терялась одна из составляющих коррупционного поведения – *сговор* двух сторон с некоей *гарантией* его выполнения. Не существовало четкого осознания неотвратимости наказания, если сговор будет нарушен, – полевым командирам не страшны ни уголовное преследование, ни авиационные удары (тем более что вероятность их была очень низка). Клановая мораль и ситуативный эгоизм оказались выше соображений необходимости прекращения гражданской войны и мирного государственного строительства. В отличие от

Афганистана, в Сомали хорошо помнили, как заставили убраться из страны иностранных миротворцев, как все их техническое превосходство оказалось бессильно против десятков и сотен плохо вооруженных, но решительных людей.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что с начала 2000-х гг. США в разных регионах мира пытались реализовать военную стратегию, важной частью которой был системный подкуп местных сил. Эта стратегия использовалась в рамках новой трактовки сути современных военных конфликтов и понимания врага как системы. Например, в случае с Афганистаном «система противника» оказалась достаточно сложна и уязвима для целенаправленных и четко рассчитанных воздействий в финансовой сфере и реальном пространстве боевых действий. Вначале удалось дестабилизировать государство талибов и «обнулить» афганское политическое поле, свести его до состояния хаоса. За этим последовало новое государственное строительство. Впрочем, современная ситуация в Афганистане демонстрирует, что в такую игру могут играть и другие акторы – теперь уже продукт американского политического творчества подвергается дестабилизирующим воздействиям.

Ситуация в Сомали, при всей внешней схожести для стороннего наблюдателя, вооруженного западной рациональностью, развивалась совершенно другим образом. Политическое пространство этой африканской страны уже было сведено до самого низкого уровня, до уровня доминирования клановой морали. Все надклановые элементы были либо очень слабы (Переходное федеральное правительство), либо имели статус врага для США («Союз исламских судов» и другие исламистские организации). Попытка искусственного создания аналога афганского Северного альянса закономерно обернулась провалом из-за неразрешимых клановых противоречий. При этом любые внешние вмешательства приводили к еще большей «хаотизации» ситуации, что говорит о беспомощности западного образа мысли в африканском контексте.

Материал поступил в редколлегию 29.11.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy/> (дата обращения: 20.10.2018).

Коновалов И.П. 2010. Распад государства и гражданская война в Сомали / под ред. В.Г. Шубина. М. : Социально-полит. мысль. 176 с.

Луньков А.С. 2016. Философский анализ теории и практики борьбы с коррупцией в русской армии в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 90-102.

Оболкина С.В. 2014. Субъект коррупционной практики и аксиологическое кодирование // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 134-140.

Оболкина С.В. 2016. Коррупция и «механизмы» повседневности // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 71-78.

Comments by President Bush, Treasury Secretary Paul O'Neill and Secretary of State Colin Powell on the president's executive order freezing the assets of terrorist organizations and individuals, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bush092401.html?noredirect=on> (дата обращения: 18.10.2018).

Shabazz S. 2006. UN Trying to Clarify Problems in Somalia [Электронный ресурс] // The Final Call. June 29. URL: http://www.finalcall.com/artman/publish/World_News_3/article_2716.shtml (дата обращения: 24.10.2018).

Warden J. 1995. Enemy as a System // *Airpower Journal*. Vol. 9, № 1. P. 40-55.

Wax E., DeYoung K. 2006. U.S. Secretly Backing Warlords in Somalia, [Электронный ресурс], May 16. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/05/16/AR2006051601625_pf.html (дата обращения: 23.10.2018).

Woodward B. 2002. *Bush at War*. New York : Simon & Schuster. 376 p.

Alexander S. Lun'kov, Candidate of History, Head of the Educational Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: istorik1981@mail.ru

ORCID ID: 000-0001-9252-0107

CORRUPTION AND WAR: BACKGROUND AND CURRENT STRATEGIES (On the examples of Afghanistan and Somalia)

Abstract. The article studies the role of the phenomenon of corruption in modern ideas about war. History is replete with examples of bribing warlords and entire armies. Every time corruption accompanied or was the cause of

the crisis of the army and the state as a whole. However, all these facts of the past are secondary in understanding the course of development of military thought. The modern understanding of the enemy as a complex system opens the way to new strategic concepts, which, in particular, suggest corruption as a tool of destabilization. The modern history of military conflicts contains two illustrative examples of the use of the “bribe strategy” – the war in Afghanistan in 2001, and the new stage of the Somali civil war in 2006. Both countries, in terms of Western rationality, are mired in corruption, which has become an integral part of social and political life. However, the implementation of the “bribing strategy” in Afghanistan led to the overthrow of the Taliban regime, and the beginning of a new state-building, whereas in Somalia this strategy led to failure and further aggravation of the situation. At first glance, the initial socio-cultural context of Somalia was more favorable for the implementation of the “bribe strategy”. Somali society is almost completely mono-ethnic and mono-confessional. According to a number of international organizations, Somalia is the most corrupt state in the world. All these factors were to facilitate the transition of local forces from one side of the conflict to the other. However, western strategists did not take clan factor into account enough. That is the main engine of the permanent civil war in Somalia. The clans’ contradictions associated with the blood kinship system have such a long history, and are so deeply rooted in Somali culture that all methods of dealing with conflicts in the postcolonial space, which were traditional for Western countries, were powerless. The consanguinity and the clan system based on it is the deepest level of social structure and dynamics, in which the “side change” is almost impossible. All these circumstances led to the failure of the “bribe strategy”, and the artificial creation of government in Somalia strong and loyal to the West.

Keywords: corruption; war; Afghanistan; Somalia; military strategy; J. Warden; terrorism; civil war.

References

Comments by President Bush, Treasury Secretary Paul O'Neill and Secretary of State Colin Powell on the president's executive order freezing the assets of terrorist organizations and individuals, 2001, available at: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bush092401.html?noredirect=on> (дата обращения: 18.10.2018).

Indeks vospriyatiya korruptsii [Corruption Perceptions Index], available at: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/> (accessed October 20, 2018). (in Russ.).

Kononov I.P. *Raspad gosudarstva i grazhdanskaya voyna v Somali* [The collapse of the state and the civil war in Somalia], Moscow, *Sotsial'no-politicheskaya mysl'*, 2010, 176 p. (in Russ.).

Lunkov A.S. *Filosofskiy analiz teorii i praktiki bor'by s korruptsией v russkoy armii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Philosophical Analysis of Theory and Practice of Fight against Corruption in Russian Army in Late 19th – Beginning of 20th Century], V.N. Rudenko (otv. red.) *Aktual'nye problemy*

nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 90-102. (in Russ.).

Obolkina S.V. *Korrupsiya i «mekhanizmy» povsednevnosti* [Corruption and Everyday Life "Mechanisms"], V.N. Rudenko (otv. red.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 71-78. (in Russ.).

Obolkina S.V. *Sub'ekt korrupsionnoy praktiki i aksiologicheskoe kodirovanie* [Subject of Corruption Practice and Axiological Encoding], V.N. Rudenko (otv. red.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2014, pp. 134-140. (in Russ.).

Shabazz S. UN Trying to Clarify Problems in Somalia, *The Final Call*, 2006, June 29, available at: http://www.finalcall.com/artman/publish/World_News_3/article_2716.shtml (дата обращения: 24.10.2018).

Warden J. Enemy as a System, *Airpower Journal*, 1995, vol. 9, no. 1, pp. 40-55.

Wax E., DeYoung K. *U.S. Secretly Backing Warlords in Somalia*, May 16, 2006, available at: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/05/16/AR2006051601625_pf.html (дата обращения: 23.10.2018).

Woodward B. *Bush at War*, New York, Simon & Schuster, 2002, 376 p.